

УДК 266.1

Структура современной православной миссиологии и перспективы ее развития

Митько Август Евгеньевич

Кандидат философских наук,
заместитель председателя Синодального миссионерского
отдела Русской православной церкви,
докторант кафедры богословия и библеистики,
Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Пятницкая, 4/2;
e-mail: serapion@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается необходимость системно-категориального анализа современного состояния миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия. Решение данной проблемы предполагает также выявление потенциала и направлений развития современной миссиологии. Современная миссиология находится в процессе становления в качестве самостоятельного раздела православного систематического богословия, во многом оставаясь проектом. В этом отношении современная православная миссиология характеризуется отсутствием системного планирования научной работы. Несмотря на это, православная миссиология обладает значительным потенциалом развития в определенных направлениях. Автор данной статьи проводит анализ структуры современной православной методологии. Отмечено, что наличие определенной структуры миссиологии как самостоятельного раздела православного систематического богословия свидетельствует об определенном уровне самоорганизации, достигнутом в процессе развития. В этом отношении миссиология обладает базовым опытом структурирования, на основе которого возможно дальнейшее развитие в направлении дальнейшей систематизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Игумен Серапион (Митько А.Е.) Структура современной православной миссиологии и перспективы ее развития // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1В. С. 317-326.

Ключевые слова

Теология, религиоведение, миссиология, история миссиологической терминологии, система миссиологической терминологии, современная миссиологическая терминология.

Введение

Принятие высшей церковной властью первых нормативных документов, регламентирующих миссионерское служение на общецерковном уровне, учреждение Синодального миссионерского отдела и открытие Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью) стали иницилирующими событиями, определившими как процесс возрождения православной миссиологии, так и ее современное состояние.

Многие личности и организации внесли значительный вклад в развитие миссиологии, однако именно на базе Синодального миссионерского отдела и Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью) под руководством митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова) были консолидированы интеллектуальные ресурсы, необходимые для возрождения православной миссиологии на современном уровне.

Во многом благодаря совмещению в лице митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна служений председателя Синодального миссионерского отдела и ректора Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью) возрождение миссиологии происходит в церковно-авторизованном формате. Именно такое представление о миссиологии было отражено в общецерковных нормативных документах [Собрание документов Русской Православной Церкви, 2014, 361-464], посвященных теме миссии, которые, в свою очередь, оказали влияние на содержание миссиологии.

Основная часть

Несмотря на несомненное знакомство с католическими и протестантскими миссиологическими концепциями, внешнее влияние на процесс формирования современной православной миссиологии следует признать чрезвычайно незначительным. Изначально возрождение миссиологии происходило преимущественно в рамках ее преподавания в качестве учебной дисциплины в Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью), а затем и в других духовных школах. Нередко само содержание миссиологии как научной дисциплины отождествлялось с авторскими лекционными курсами [Федоров, 1999; Чернышев, 2010]. Поскольку научно-исследовательская работа в духовных семинариях была ориентирована прежде всего на потребности учебного процесса, возрождение миссиологии происходило именно в формате образовательной дисциплины. В соответствии с этим содержание миссиологических исследований изначально адаптировалось в соответствии с уровнем и потребностями студенческой аудитории.

В 2009 и 2010 году по благословению и под общей редакцией архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна вышли в свет два связанных по своему содержанию издания под названием «Миссиология» [Гинкель, 2009; Гинкель, 2010]. Во введении к ним были перечислены авторы, во втором издании в качестве ответственного редактора указан священник Александр Гинкель. Следует отметить, что оба эти издания характеризуются некоторой неопределенностью жанра. В одном месте говорится об «учебном пособии», «учебнике», «уникальном учебнике» [Гинкель, 2010, 6-8]. В другом месте указывается, что «данный труд носит фундаментальный характер» [там же, 7]. По сути, оба эти издания представляют собой церковно-авторизованный свод знаний по миссиологии, представленный в виде учебника. Во многом его содержание остается актуальным и по сей день, так как за прошедшее десятилетие

других авторитетных изложений миссиологии так и не появилось. Данное обстоятельство следует рассматривать не в качестве недостатка, а как свидетельство достижения православной миссиологией определенного уровня стабильного состояния. Поэтому дальнейшее исследование структуры современной миссиологии может быть осуществлено на базе данного свода знаний.

Обоснованность этого подхода определяется еще и тем, что основное отличие двух вариантов свода знаний по миссиологии заключается именно в их структуре. Потребность во втором издании была вызвана процессом церковной авторизации свода знаний по миссиологии при непосредственном участии высшей церковной власти. «По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла во втором издании учебника была изменена структура. Было решено опустить историческую часть, так как по истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в настоящее время написано большое количество работ» [там же, 8]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что создание свода знаний по миссиологии совпадает по времени не только с достижением определенного уровня стабилизации содержания, но и с осознанием необходимости структурной трансформации.

В первом издании историческая часть занимала половину объема, а остальное содержание было распределено между теоретической и практической частями. Эта диспропорция могла отражать представление о большей ценности исторического опыта миссии в сравнении с ее современными задачами. После исключения исторической части была также переименована и теоретическая часть, вместо «Введения в миссиологию» во втором издании присутствует «Богословие миссии». Таким образом, трансформация структуры не свелась к вынесению истории миссии за пределы свода знаний, а проявилась также в усилении значения теоретического раздела.

Исключение во втором издании раздела, посвященного истории миссии, не означает выведения данной предметной области за границы православной миссиологии. История миссий продолжает оставаться составной частью миссиологии как самостоятельного раздела систематического православного богословия. Необходимо отметить, что главным недостатком первого издания является как раз не избыточный объем исторического раздела, а его недопустимая ограниченность историей миссионерской деятельности лишь Русской Православной Церкви. Обращение к исторической ретроспективе является важным элементом теологической рефлексии в сфере миссиологии, однако ее задачи требуют целостного охвата всей полноты опыта миссионерского служения Церкви, начиная с апостольских времен. Очевидно, что ограниченность исторического раздела связана не с желанием представить миссионерский опыт Русской Православной Церкви в отрыве от вселенского, а с реальным состоянием научных исследований в данной области. Изучение истории миссионерского служения Русской Православной Церкви приобрело доминирующее положение именно по причине ориентированности исследований истории миссии на более доступную отечественную источниковедческую базу.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что базовая структура православной миссиологии на данный момент включает в себя три части: историю миссионерского служения Русской Православной Церкви (историческую миссиологию), богословие миссии (теоретическую миссиологию), принципы и методы миссионерской деятельности (практическую миссиологию). Каждый из этих разделов обладает значительным потенциалом экспликации прикладных миссиологических дисциплин. Исторически и генетически миссиология связана с рядом религиоведческих исследовательских программ, которые также

могут быть интегрированы в ее структуру. Сектоведение также тесно связано с миссиологией как самостоятельным разделом православного систематического богословия.

Современная структура в целом объективно отражает предметную область православной миссиологии, что не исключает возможности дальнейшего развития, однако перспективы данного процесса напрямую связаны с характером динамики содержания. Для выявления этих перспектив необходим анализ содержания свода знаний по православной миссиологии.

Содержательная сторона исторической миссиологии в настоящее время практически полностью совпадает с историей миссионерского служения Русской Православной Церкви. Этот период открывается миссией святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и фактически завершается революционной эпохой. Приоритетное внимание уделяется именно деятельности православных миссионеров, то есть исследованию актора миссии. Состояние и динамика развития адресата миссии чаще всего остаются за границами исследовательского интереса. История православной миссии рассматривается преимущественно в аспекте жизни и деятельности отдельных выдающихся миссионеров, что ведет к фрагментарности восприятия исторического процесса. Слабо представлена связь истории миссии Русской Православной Церкви и ее задач на современном этапе развития. Это определяет круг задач в сфере развития структуры православной исторической миссиологии и ее содержания.

Прежде всего, необходимо существенное расширение предметной области православной исторической миссиологии за счет охвата всей истории церковной миссии, начиная с апостольских времен. Этого требует не только элементарное стремление к полноте изложения, но и необходимость получения значимых исследовательских результатов на основании всей полноты релевантной фактологической базы. Это означает, что на основании одной лишь истории миссионерского служения Русской Православной Церкви невозможно сделать необходимые обобщения и выводы. Следовательно, православная историческая миссиология должна включать в себя *всеобщую историю миссии*.

Для понимания уникальных особенностей православного миссионерского служения необходим более широкий исследовательский контекст, включающий историю католической и протестантской миссий, а также соответствующих миссиональных практик нехристианских религий. Поэтому православная историческая миссиология должна включать в себя *сравнительную историю миссий*.

Интеграция исследовательских процедур в рамках всеобщей и сравнительной истории миссий открывает возможность для разработки *исторической типологии миссий*. Типологизация исторически сложившихся миссиональных концептов, стратегий и практик может дать научно значимые результаты для миссиологии в целом.

Строго говоря, исследование истории миссий само по себе еще не является исторической миссиологией, оставаясь особой предметной области исторических или церковно-исторических исследований. История миссий становится исторической миссиологией в той мере, в какой цели и результаты ее исследований интегрируются миссиологическим дискурсом.

Содержание теоретической миссиологии представлено в данных изданиях в виде «Введения в миссиологию» [Гинкель, 2010, 6-9] и «Богословия миссии» [там же, 9-123]. Это первый опыт построения богословия миссии на русском языке, и, возможно, именно этим обстоятельством обусловлен пропедевтический характер изложения. Раздел «Богословие миссии» является прежде всего миссиологической тематизацией содержания православного вероучения и опытом интерпретации ее результатов. Данный опыт следует признать в целом удачным, однако он явно недостаточен для дальнейшего развития миссиологии.

Теоретическая миссиология по определению является теологией миссии. Некоторая неопределенность в вопросе их полной тождественности связана с инновационным характером ряда ее исследовательских программ. Теоретическая миссиология в полной мере является теологией в таких сферах, как библейско-богословское обоснование миссии и исследования ее актора. Такие исследовательские программы определяются как миссиональная герменевтика и миссиональная экклезиология. Однако при исследованиях адресата миссии теоретическая миссиология использует ряд методов социальных и гуманитарных наук, что закономерно ставит вопрос об ее полном соответствии понятию теологии миссии. Ответ на этот вопрос содержится в динамическом понимании современного состояния теологического знания. В настоящее время мы наблюдаем интенсивный процесс развития теологии в направлении миссионального расширения ее предметного поля и интеграции ряда проблем и методов гуманитарных и социальных наук.

В нашем понимании теоретическая миссиология включает миссиональную герменевтику, теологию актора миссии и теологию адресата миссии. Различные способы тематизации и проблематизации ее предметной области могут генерировать такие исследовательские программы, как миссиональная библеистика, миссиональная триадология, миссиональная христология, миссиональная сотериология, миссиональная экклезиология, миссиональная сакраментология, миссиональная литургия, миссиональная эсхатология, миссиональная этика и т.п. Наименование отдельных исследовательских программ следует отнести к области научной эстетики, и именно в данном ключе следует рассматривать такие неологизмы, как экклезиология миссии или эсхатология миссии.

Место практической миссиологии в своде знаний занимает раздел «Принципы и методы миссионерской деятельности» [Гинкель, 2010, 127-391]. В отличие от «Богословия миссии», данный раздел во втором издании претерпел значительную структурную трансформацию. Наиболее значимым стало появление параграфов: «Правовые основания миссионерской деятельности», «Понятие субкультуры», «Проповедь в воинской среде», «Проповедь в образовательных учреждениях», «Проповедь среди заключенных», «Проповедь в иноверческой среде», «Методика диспута с сектантами», «Проповедь среди мигрантов», «Богослужебный язык», «Миссия и катехизация», «Основные принципы планирования и организации миссионерской деятельности на общецерковном, епархиальном благочинническом и приходском уровнях», «Перспективные направления миссионерского служения» [там же, 4-5]. С одной стороны, это указывает на более высокую динамику развития содержания предметного поля практической миссиологии, с другой стороны, свидетельствует об интенсивном расширении его границ в процессе подготовки второго издания.

Следует признать отсутствие универсальной системы критериев систематизации содержания практической миссиологии, так как оно в конечном итоге определяется опытом миссионерского служения и процессом миссиологической рецепции его результатов. Вместе с тем само наименование практической миссиологии, избранное в данном издании, содержит указание на изначальное методологическое распределение ее содержания. Практическая миссиология включает в себя нормативную (на что указывает слово «принципы») и методическую (на что указывает слово «методы») части. Несмотря на то, что указание на это разделение и его обоснование отсутствуют в тексте, само наименование раздела свидетельствует об интуитивном понимании авторами логико-методологической специфики систематизации содержания практической миссиологии. Нормативная часть включает принципы, регулирующие миссионерскую деятельность на основании общецерковных

нормативных актов. Методическая часть – построенные на их основе практические рекомендации.

Разделение на историческую, теоретическую и практическую части не исчерпывает потенциала развития православной миссиологии. Данный потенциал выражается в широкой возможности генерирования исследовательских программ прикладной *миссиологии*. Большинство таких программ генерируется в области практической миссиологии, однако их связь с теоретической миссиологией также очевидна. В качестве примера можно рассматривать *миссиональную апологетику*. Возникновение этого понятия в миссиологическом дискурсе прежде всего связано со стремлением к интеграции сектоведческих исследований. Российское сектоведение тесно интегрировано с современными практиками миссионерского служения и стремится выступать в качестве теоретической базы для многих из них.

С одной стороны, исследования нетрадиционной религиозности органично входят в предметную область религиоведения. Однако сектоведение отличается от других исследовательских программ в области религиоведения включенностью негативной оценки нетрадиционной религиозности как деструктивной в свою методологию как аксиоматической. Это связано с тем, что в основе отечественного сектоведения лежит конфессиональная или корреспондирующая с ней исследовательская установка. Таким образом, можно предположить, что данная позиция основана на теологической аксиоматике в целом. Это характерно для достаточно широкого круга теологических дисциплин, однако ситуация с сектоведением во многом носит уникальный характер. Теологическая аксиоматика присутствует в сектоведении в своеобразном редуцированном виде. Аксиологическая установка, предваряющая исследовательские процедуры, не является единственно возможной, так как степень неприятия и негативной оценки деструктивной природы нетрадиционной религиозности зависит от понимания свободы религиозного выбора в сотериологическом контексте. Наряду с редукцией теологической аксиоматики, в сектоведении присутствует редукция абсолютного целеполагания миссии. Преодоление вероучительных заблуждений не является конечной целью миссионерского служения, так как оно направлено не только на обращение, но и на спасение заблуждающихся. Поэтому сектоведение не является миссиологической дисциплиной в полном смысле этого слова, что, впрочем, не исключает возможность дальнейшей интеграции.

С другой стороны, обвинения сектоведения в конфессиональной ангажированности следует признать некорректными. Конфессионально стерильные исследовательские программы также содержат ограничительные идеологические установки, а часто напрямую осуществляются по заказу и в интересах сект. Поэтому в контексте данного исследования следует констатировать, что недостатком сектоведения является не наличие определенной конфессиональной позиции, а ее недостаточная выраженность или, в некоторых случаях, неопределенность.

Конкретная направленность и содержание исследовательских программ прикладной миссиологии определяются их предметной областью – адресатом миссии. В свою очередь, адресат миссии не является лишь абстрактным конструктом, включая в себя конкретных людей, обладающих различной идентичностью, религиозными убеждениями, этническими и личностными особенностями. На основании этих критериев можно определить основные предметные области проектирования прикладных миссиологических дисциплин.

Одной из основных характеристик адресата миссии является его принадлежность к определенной культуре. В связи с этим важнейшей прикладной дисциплиной в структуре миссиологического знания становится *миссиональная культурология*. Само это понятие отсутствует в обоих изданиях свода знаний по миссии, однако ее проблематика представлена на

высоком уровне концептуализации. Об этом свидетельствует размещение параграфов «Евангелие и культура» [Гинкель, 2010, 71-80] и «Инкультурация и рецепция культуры» [там же, 80-97] непосредственно в разделе «Богословие миссии». Казалось бы, что данные проблемы могли быть рассмотрены в разделе «Принципы и методы миссионерской деятельности», однако выбор авторов показывает понимание высокой степени теологической фундированности миссиональной культурологии. Теоретико-методологический статус и содержание миссиональной культурологии в современной миссиологии в значительной степени остаются неопределенными, являясь предметом будущих исследований. С одной стороны, это связано с проблемой соотношения методов отечественной культурологии, культурной и социальной антропологии в православных миссиологических исследованиях. С другой стороны, содержание миссиональной культурологии и других дисциплин прикладной миссиологии в значительной степени пересекаются.

На это, в частности, указывает упоминание «лингвистической реформы» Н.И. Ильминского в культурологическом контексте [Колчерин, 2014]. Миссионерское служение требует перевода библейских и богослужебных текстов на языки просвещаемых народов. В некоторых случаях служение миссионеров ведет к созданию литературного языка и первых произведений национальной литературы (алтайцы, алеуты). В определенных случаях миссионерское служение предполагает заботу о сохранении исчезающих языков коренных малочисленных народов [Митько, 2018]. Эти задачи формируют потребность в *миссиональной лингвистике (или филологии)* как отдельной дисциплине прикладной миссиологии.

Слова «Великого миссионерского поручения» «Итак идите, научите все народы» (Мф. 28:19) указывают на этносы как наиболее раннюю форму адресата миссии. Евангелие обращено к каждому конкретному человеку, однако универсальность Благой Вести формируется в соответствии с критерием этничности. Миссия среди коренных, в том числе малочисленных, народов является одним из основных направлений миссионерского служения Русской Православной Церкви. Поэтому одна из важных прикладных миссиологических дисциплин – *миссиональная этнология*. Практика православного миссионерского служения определяется его направленностью на каждого конкретного человека, который как индивидуальный адресат миссии предстает во всей совокупности своих личностных качеств. Это порождает потребность в развитии такой дисциплины прикладной миссиологии, как *миссиональная психология*.

Миссионерское служение Русской Православной Церкви охватывает различные социальные группы и общество в целом. Эффективность такого служения требует знания и понимания природы социальных процессов и институтов. Этим целям служит такая прикладная миссиологическая дисциплина, как *миссиональная социология*. Оценка количественной эффективности миссионерского служения может осуществляться в рамках *миссиональной статистики*, углубляющей прикладное значение *миссиональной социологии*. Моделью для создания данной дисциплины прикладной миссиологии может стать возникшая в конце XIX века моральная статистика. Другой прикладной миссиологической дисциплиной может стать *миссиональная география* как область исследования миссионерского поля.

Миссионерское служение Русской Православной Церкви на современном этапе требует применения инновационных принципов организации. Общие принципы церковной организации миссионерской деятельности отражены в ряде общецерковных нормативных документов [Гинкель, 2009, 361-464] и успешно применяются на практике. Однако переход от общих принципов к конкретным методам миссии зачастую выявляет проблемы, снижающие эффективность миссионерской деятельности в рамках матричного типа организации. В

последние годы формируется понимание необходимости организации миссионерской деятельности в соответствии с принципами проектного управления. Создание в рамках прикладной миссиологии такой дисциплины, как *управление миссионерскими проектами*, требует значительных творческих усилий на пути анализа как всей совокупности мирового опыта, так и возможностей его церковной рецепции. Конкретное содержание *управления миссионерскими проектами* как прикладной миссиологической дисциплины остается во многом неопределенным, однако именно разработка церковного стандарта и соответствующей ему системы сертификации является важной исследовательской задачей.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что базовая структура современной православной миссиологии была сформирована самостоятельно в системе православной теологии, без определяющего влияния со стороны католических и протестантских миссиологов. Однако состояние православной миссиологии следует рассматривать скорее как процесс, нежели как результат. В процессе развития структура православной миссиологии претерпевает определенную трансформацию в направлении стабилизации.

На современном этапе оптимальная структура православной миссиологии выглядит следующим образом. В качестве базовых и наиболее общих разделов выступают историческая, теоретическая и практическая миссиология. Практическая миссиология включает нормативную и вариативную методическую части, отличающиеся своим теоретико-методологическим статусом. Обращенность миссионерского служения к адресату миссии, обладающему различными особенностями, формирует предметную область прикладной миссиологии. Конкретные особенности адресата миссии определяют потребность в создании таких дисциплин прикладной миссиологии, как миссиональная апологетика, миссиональная культурология, миссиональная лингвистика (или филология), миссиональная этнология, миссиональная психология, миссиональная социология, миссиональная статистика и миссиональная география. Организация миссионерского служения Церкви как актора миссии в современных условиях требует применения инновационных методологий и технологий, что является предметной областью такой дисциплины прикладной миссиологии, как управление миссионерскими проектами.

Библиография

1. Гинкель А. (ред.) Миссиология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Синодальный миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. 400 с.
2. Гинкель А. (ред.) Миссиология. Белгород: Изд-во Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. 464 с.
3. Колчерин А. Христианизация народов Поволжья. Н.И. Ильминский и православная миссия. М.: РИСИ, 2014. 97 с.
4. Митько А.Е. Православная миссия среди коренных малочисленных народов: история и современность // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. № 24. С. 72-80.
5. Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2. Ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 656 с.
6. Федоров В. Православная миссия сегодня: сборник текстов по курсу «миссиология» для православных духовных школ и богословских учебных заведений. СПб.: Апостольский город, 1999. 405 с.
7. Чернышев В.М. Миссиология. СПб.: Изд-во им. святителя Льва, Папы Римского, 2010. 612 с.

The structure of modern Orthodox missiology and its development prospects

Av gust E. Mit'ko

PhD in Philosophy,
Deputy Chairman of the Synodal Missionary Department of the Russian Orthodox Church,
Doctoral Candidate of the Department of theology and biblical studies,
Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies,
115035, 4/2, Pyatnitskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: serapion@list.ru

Abstract

The problem of this study is determined by the need for a system-categorical analysis of the current state of missiology as an independent section of Orthodox systematic theology. The solution of this problem also implies the identification of the potential and directions for the development of modern missiology. The hypothesis of the author is as follows. Modern missiology is in the process of becoming an independent division of Orthodox systematic theology, largely remaining a project. In this regard, modern Orthodox missiology is characterized by the lack of systematic planning of scientific work. Despite this, Orthodox missiology has considerable potential for development in areas that are determined by the motive of this study. To confirm this hypothesis, it is necessary to analyze the structure of modern Orthodox methodology. The presence of a certain structure of missiology as an independent section of Orthodox systematic theology indicates a certain level of self-organization achieved in the process of development. In this regard, missiology has basic structuring experience, on the basis of which further development is possible towards further systematization. The organization of missionary service of the Church as an actor of the mission in modern conditions requires the use of innovative methodologies and technologies, which is the subject area of such discipline of applied missiology as the management of missionary projects.

For citation

Igumen Serapion (Mit'ko A.E.) (2019) *Struktura sovremennoi pravo-slavnoi missiologii i perspektivy ee razvitiya* [The structure of modern Orthodox missiology and its development prospects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1B), pp. 317-326.

Keywords

Theology, religious studies, missiology, history of mission terminology, system of mission terminology, modern mission terminology.

Reference

1. Chernyshev V.M. (2010) *Missiologiya* [Missiology]. Saint Petersburg: Izd-vo im. svyatitelya L'va, Papy Rimskogo Publ.
2. Fedorov V. (1999) *Pravoslavnaya missiya segodnya: sbornik tekstov po kursu "missiologiya" dlya pravoslavnykh dukhovnykh shkol i bogoslovskikh uchebnykh zavedenii* [Orthodox mission today: collection of texts on the course "Missiology" for Orthodox theological schools and theological schools]. Saint Petersburg: Apostol'skii gorod Publ.
3. Ginkel' A. (ed.) (2009) *Missiologiya* [Missiology]. Belgorod: publishing House of the Belgorod Orthodox Seminary (with missionary orientation).

4. Ginkel' A. (ed.) (2010) *Missiologiya* [Missiology], 2nd ed. Moscow: Synodal Missionary Department of the Russian Orthodox Church.
5. Kolcherin A. (2014) *Khristianizatsiya narodov Povolzh'ya. N.I. Il'minskii i pravoslavnaya missiya* [The Christianization of the peoples of the Volga region. N.I. Ilminsky and Orthodox mission]. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies.
6. Mit'ko A.E. (2018) Pravoslavnaya missiya sredi korennykh malochislennykh narodov: istoriya i sovremennost' [Orthodox mission among indigenous peoples: history and modernity]. *Svet Khristov prosveshchaet vseh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [Light of Christ enlightens all: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute], 24, pp. 72-80.
7. *Sobranie dokumentov Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. T. 2. Ch. 1: Deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* (2014) [Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Activities of the Russian Orthodox Church], vol. 2, part 1. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church.